

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, г. Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, г. Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук, (Москва, Россия)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н., (Улан-Удэ, Россия)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, г. Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Оренбург, Россия)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Челябинск, Россия).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных
и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bon)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Moscow, Russia)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Ulan-Ude, Russia)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadlov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Kemerovo, Russia)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Orenburg, Russia)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Chelyabinsk, Russia)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department
of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.* Комплекс Аксай-1
(к проблеме изучения древних антропоморфных изваяний и оленных камней
Центрального Казахстана) 7
- Голвченко Н. Н.* «No connection»: расстёгнутый пояс в погребальной
обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа 24
- Федорук О. А.* Детские погребения с украшениями в андроновских
(федоровских) некрополях степного и лесостепного Алтая 36
- Пигарев Е. М.* Русские вещи из золотоордынской столицы — города
Сарай ал-Джедид (к вопросу о расселении русских в золотоордынских
нижневолжских городах) 49

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Авдашкин А. А., Салганова Е. И.* Евразийская миграционная система:
региональные ракурсы функционирования (на примере Южного Урала) 67
- Ярков А. П.* Средняя Азия и Западная Сибирь во второй половине XVI в.:
политические и этнокультурные связи 82
- Мухамадеев А. Р.* О преступлениях и наказаниях в кыпчакском сообществе
(XI–XIV вв.) 92
- Атдаев С. Дж.* Круговые обходы в обрядовой практике туркмен 107

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Арсенина О. В.* Теологическое и эмпирическое осмысление ценностного
(религиозного) потенциала прихожан православных храмов города Владимира
в контексте актуализации социального благотворительного служения 128
- Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А.* Буддизм Илийской долины
XII — начала XIII в.: о находках предметов буддийского культа на городище
Талгар И. И. Копыловым 145
- Ильин В. Н.* Старообрядчество на Алтае во второй половине XIX —
начале XX в. 161
- Недзельюк Т. Г.* «Письма во власть»: рефлексия мигрантов Западной
и Восточной Сибири относительно государственно-конфессиональной
политики (вторая половина XIX — первая четверть XX в.) 174
- ДЛЯ АВТОРОВ** 184

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D.* The Aksai-1 complex (to the studying of ancient anthropomorphic statues and deer stones of Central Kazakhstan).....7
- Golovchenko N. N.* “No connection”: unbuttoned belt in the funeral rites of the population of the upper ob region of the early iron age24
- Fedoruk O. A.* Children’s burials with jewelry in the andronovsky (fedorovsky) necropolises of the steppe and forest-steppe Altay.....36
- Pigarev E. M.* Russian things from the golden horde capital-the city of Saray al-Jedid (on the question of the settlement of russians in the golden horde lower volga cities).....49

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Avdashkin A. A., Salganova E. I.* Eurasian migration system: regional areas of functioning (on the example of the South Urals)67
- Yarkov A. P.* Central Asia and Western Siberia in the second half of the XVI century (political and ethnocultural relations)82
- Mukhamadeev A. R.* On crimes and punishments in the kypchak community (XI–XIV centuries).....92
- Atdaev S. J.* Circulars in the ritual practice of Turkmen107

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Arsenina O. V.* Theological and empirical understanding of the value (religious) potential of parishioners of orthodox churches in the city of Vladimir in the context of actualization of social charity service..... 128
- Mukhtarova G. R., Zheleznyakov B. A.* Buddhism of Ily valley of the XII — beginning of the XIII centuries. Finds of I. I. Kopylov objects of buddhist rite from the talgar site145
- Ilyin V. N.* Old Believers in Altai in the second half of the 19th — early 20th centuries 161
- Nedzelyuk T. G.* “Letters to the authorities”: reflection of migrants of Western and Eastern Siberia on state and confessional policy (second half of the XIX — first quarter of the XX centuries)174

FOR AUTHORS.....184

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94

DOI: 10.14258/nreur(2021)3–05

А. А. Авдашкин

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск (Россия)

Е. И. Салганова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск (Россия)

ЕВРАЗИЙСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ СИСТЕМА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАКУРСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО УРАЛА)

После распада СССР регионы России и бывшие союзные республики интенсивно встраивались в новые глобальные процессы мобильности населения. На примере Южного Урала авторы статьи показывают, как российский регион становился частью масштабных миграционных обменов в постсоветский период. В статье охарактеризованы основные этнические группы, принимавшие участие в миграционных процессах, показаны причины и факторы движения населения, выявлена степень их влияния на социально-экономическую ситуацию в Челябинской области, определены причины ксенофобских настроений принимающей стороны. Источниковую базу составили архивные документы, результаты полевых исследований авторов, а также материалы социологических опросов, прошедших в последние годы. Исследование показало, что основу среднеазиатской миграции в Челябинскую область составляли русскоязычные жители Казахстана, а на более поздних этапах — таджики. Особенности освоения ими городского пространства, трудности инкорпорации иноэтничных мигрантов в принимающее сообщество порождают сегодня все более явную социальную напряженность. Южный Урал встраивался в процессы масштабных трансграничных перемещений главным об-

разом из Средней Азии, которые на продолжительный период определили траектории движения иноэтничных мигрантов.

Ключевые слова: миграция, диаспоры, Евразийская миграционная система, Центральная Азия, Южный Урал.

Цитирование статьи:

Авдашкин А. А., Салганова Е. И. Евразийская миграционная система: региональные ракурсы функционирования (на примере Южного Урала) // Народы и религии Евразии. 2021. № 3 (26). С. 67–81.

DOI: 10.14258/nreur(2021)3–05

A. A. Avdashkin

South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

E. I. Salganova

South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

EURASIAN MIGRATION SYSTEM: REGIONAL AREAS OF FUNCTIONING (ON THE EXAMPLE OF THE SOUTH URALS)

After the collapse of the USSR, the regions of Russia and the former Soviet republics were intensively integrated into the new global processes of population mobility. Using the example of the South Urals, the authors of the manuscript show how the Russian region became a part of large-scale migration exchanges in the post-Soviet period. The article describes the main ethnic groups that took part in migration processes, shows the reasons and factors of population movement, reveals the degree of their influence on the socio-economic situation in the Chelyabinsk region, identifies the reasons for xenophobic sentiments of the host country. The source base was made up of archival documents, the results of field research by the authors, as well as materials from sociological surveys that took place in recent years. The study showed that the basis of Central Asian migration to the Chelyabinsk region was made up of Russian-speaking residents of Kazakhstan and, at later stages, Tajiks. The peculiarities of the development of urban space by them, the difficulties of incorporating migrants of other ethnicities into the host community give rise to more and more obvious social tension today. The South Ural was integrated into the processes of large-scale cross-border movements mainly from Central Asia, which for a long period of time determined the trajectories of the movement of foreign ethnic migrants.

Key words: migration, diasporas, Eurasian migration system, Central Asia, South Ural

For citation:

Avdashkin A. A., Salganova E. I. Eurasian migration system: regional areas of functioning (on the example of the South Urals). Nations and religions of Eurasia. 2021. № 3 (26). P. 67–81. DOI: 10.14258/nreur(2021)3–05

Авдашкин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия).

Адрес для контактов: adrianmaricka@mail.ru

Салганова Елена Ивановна, кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социологии Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия).

Контактный адрес: salganova@yandex.ru

Avdashkin Andrey Alexandrovich, PhD in History, Senior Researcher, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. Contact address: adrianmaricka@mail.ru

Salganova Elena Ivanovna, PhD in Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. Contact address: salganova@yandex.ru

Введение

В последние годы одним из важных объектов исследований является Евразийская миграционная система, траектории и динамика перемещений в ее рамках. В трудах, посвященных миграционным обменам между Россией и странами Азии, выделяются разные сюжеты, связанные с мобильностью больших социальных групп. Историки важное место отводят реконструкции качественных и количественных параметров китайской миграции [Kireev, 2016]. Антропологи и социологи большое внимание уделяют среднеазиатской миграции, адаптации выходцев из этого региона в принимающем обществе, трудовой миграции и различным социальным практикам мигрантов [Laruelle, 2007; Abashin, 2014; Nasritdinov, 2016; Malakhov, 2019]. Вне сферы внимания исследователей остается локальное измерение этих процессов. Комплексные исследования влияния миграций из стран Азии на поли-, социокультурное и экономическое пространство российских регионов пока немногочисленны [Каменских, 2011; Таджики в Оренбуржье..., 2013; Таджики и узбеки в Республике Татарстан..., 2016].

Цель статьи — показать место Южноуралья в функционировании Евразийской миграционной системы после распада СССР. Обращение к этой проблеме позволит составить комплексную характеристику этнических групп, прибывших из стран Азии; показать причины и факторы миграционного притока; выявить степень влияния данных сообществ на социально-экономическую ситуацию в регионе; определить причины ксенофобских настроений принимающей стороны. Выбор южноуральского случая обусловлен рядом причин. Население края сложилось в результате масштабных миграций XIX–XXI вв., которые носили неравномерный характер, как по хронологии, так и по интенсивности. В результате регион, расположенный на стыке Азии и Европы, является территорией активных межкультурных контактов.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили данные о национальном составе населения, архивные документы, результаты полевых исследований авторов в 2013–2020 гг. и материалы социологических опросов, прошедших в регионе и областном центре в 2017–2020 гг. Результаты переписи населения показывают динамику основных мигрантских групп, позволяют проследить их распределение в городской и сельской местности и др. Фонды областной миграционной службы (Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО. Ф. Р-705), комитета статистики (Ф. Р-485) и администрации (Ф. Р-700) содержат качественные и количественные характеристики различных групп мигрантов (численность, состав, направления и причины исхода и др.). Полевые исследования позволили авторам собрать 46 глубинных интервью с мигрантами из стран Азии. Этот материал позволяет оценить миграционные траектории информантов, понять их самовосприятие в структуре регионального и локального социума. Результаты опросов населения Челябинска по вопросам национальной, религиозной и миграционной политики позволили реконструировать динамику, истоки и направленность ксенофобского нарратива¹.

В рамках системного подхода применяется теория миграционных систем. Наличие исторически сложившихся и разнообразных связей между странами постсоветского пространства привели к формированию представлений о единой системе трансграничной мобильности на их основе. К странам постсоветского пространства относится группа государств, между которыми существуют масштабные и устойчивые миграционные потоки [Топилин, 2020]. Они сложились как результат исторических, культурных, экономических, демографических и политических факторов и приводят к структурным трансформациям в странах исхода и приема мигрантов, воспроизводящим направление миграционных потоков и придающим этим потокам устойчивость [Ивахнюк, 2007]. В рамках Евразийской миграционной системы наблюдались разные по направленности и динамике потоки мигрантов [Abel et. al., 2019; Charles-Edwards et. al., 2019]. Нас интересует вектор, сложившийся в постсоветский период между Россией, а точнее, ее отдельными регионами, с одной стороны, и странами Азии — с другой.

Евразийская миграционная система: основные параметры

В литературе Евразия условно разграничивается на «Малую» и «Большую». Будучи многозначным понятием, «Большая» Евразия рассматривается в разных ракурсах и контекстах. Однако чаще речь идет о новой «геостратегической» и «геоэкономиче-

¹ Первый опрос проводился про проекту «Текущее состояние и перспективы развития ситуации в национальной, религиозной и миграционной сферах жизни г. Челябинска», 2017, включал анкетный опрос жителей города. Тип выборочной совокупности — типологическая квотная. Объем выборки — 1000 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Выборка репрезентативна по территории проживания, полу и возрасту. Ошибка выборки составляет 3,1% при доверительном интервале 95%. Среди опрошенных 43% мужчин и 53% женщин в возрасте от 18 лет и старше. Второй опрос проводился при поддержке Минобрнауки России (проект № 2176 «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 г.). Опрошено 400 респондентов в Челябинске и муниципалитетах области.

ской» общности континентального масштаба. «Малая» Евразия, или пространство бывшей Российской империи и СССР, по некоторым оценкам, характеризуется цивилизационным единством, а по другим — маркируется амбициозными интеграционными проектами [Россия в формирующейся Большой Евразии... 2019; Emerson, 2014]. В рамках нашей статьи мы под евразийским пространством понимаем «малую» Евразию в границах постсоветского пространства [Brunarska et al., 2014].

Евразийскую миграционную систему отличают следующие черты:

1) система основана на долгосрочных исторических связях между государствами, входивших в состав СССР [Sahadeo, 2011]. Так, Л. Сигельбаум называл это «советским транснационализмом» [Siegelbaum, Moch, 2016]. Географическая близость государств, наличие отлаженных ранее транспортных коммуникаций и логистических цепочек способствуют поддержанию динамики миграции;

2) дифференциация миграционных потоков. Трудовая миграция устойчива: принимающими государствами служат Россия и Казахстан, а исхода — республики Средней Азии [Ruget, Usmanalieva, 2008; Ruget, Usmanalieva, 2010]. Масштабна и образовательная миграция, центром притяжения которой является Россия. Так, в 2018 г. в российские университеты приехали учиться по 34 тысяч студентов из Таджикистана и Узбекистана, примерно 40 тысяч из Туркменистана, 16 тысяч из Кыргызстана [В РФ на учебу в 2018...];

3) распространенность коррупции [Malakhov, 2014], теневых хозяйственных практик, унаследованных с советского времени и периода постсоциалистического транзита. Данные теневые практики сформировали благоприятную среду для нелегальной миграции и трудоустройства. Несовершенство российской статистики о миграции и целый ряд сложностей в достоверных оценках масштабов этого явления породили противоречивые оценки и стереотипы;

4) характер мобильности больших групп населения долгое время определяли внушительные масштабы вынужденной миграции. Ее вызвали военные и межэтнические конфликты, катастрофическое падение уровня жизни и практики по вытеснению нетитульных групп в ряде государств. Пик вынужденных миграций пришелся на вторую половину 1990-х гг., затем поток начал постепенно сокращаться [Мукомель, 2005];

5) фактор устойчивости Евразийской миграционной системы — единое языковое пространство. Долгое время постсоветское пространство оставалось русскоязычным, переформатирование языкового пространства началось только в последнее время;

6) специфика демографической ситуации. В России рождаемость не позволяет покрыть естественную убыль и обеспечить даже смену поколений. Несмотря на заметный спад рождаемости в Средней Азии, за последние три десятка лет происходит прирост населения. Значительную часть ВВП многих государств составляют денежные переводы трудовых мигрантов;

7) формирование в большинстве российских регионов среднеазиатских сообществ, которые способствуют развитию трансграничных связей, облегчая краткосрочные и долгосрочные формы миграции [Абашин, 2012].

Зона российско-казахстанского фронта, куда входит Южный Урал, также встраивалась в Евразийскую миграционную систему. В крае развивались сообщества народов

Средней Азии, частично сложившиеся в предыдущие исторические периоды. При этом экономически развитый и многонаселенный регион стал заметным центром притяжения для вынужденных русскоязычных мигрантов.

Южноуралье: особенности динамики мигрантских групп в советский и постсоветский периоды

Одной из наиболее заметных групп являются казахи, расселенные преимущественно в сельской местности в российско-казахстанском приграничье (Кизильский, Чесменский, Варненский, Брединский районы). Численность казахов возрастала в основном за счет естественного прироста, а не миграции [Атнагулов, 2017]. Начиная с 1950-х гг. на Южный Урал стали переселяться корейцы, покидавшие места проживания в Узбекистане и Казахстане [Хан, Сим Хон Ёнг, 2014]. Китайцы в советское время крайне малочисленны, в основном это потомки смешанных браков. В 1970–1980-е гг. возникли небольшие узбекские, кыргызские и таджикские сообщества. Интервью с мигрантами советского времени показали традиционную ностальгию по «дружбе народов», однако параллельно в их повествованиях встречались случаи бытового расизма, вызванные неравным положением в социальной иерархии и осознанием культурных различий [ПИМА]. Аналогичные сюжеты на материале крупных советских городов описывал Дж. Сахадео [Sahadeo, 2007].

После распада СССР значительную часть мигрантов из Средней Азии составило русскоязычное население, бежавшее от военных конфликтов, дискриминации и падения уровня жизни. Только по официальным данным в 1992–1998 гг. в регионе находилось до 22 тысяч беженцев и вынужденных переселенцев (рассчитано автором по: [ГАРФ. Ф. 10120. Оп. 1. Д. 727. Л. 2, 16, 26, 37, 48, 59, 70; ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 16. Л. 22]). Из них около 17 тысяч русских, прибывших из Средней Азии, главным образом из Казахстана. Точные данные по миграции русскоязычного населения из этого региона затруднительно найти, но перепись 2002 г. зафиксировала их на уровне 62 тысяч (составлено и рассчитано автором по: [ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 28. Д. 5. Л. 1–8]). Приток мигрантов восполнял демографические потери, вызванные смертностью, спадом рождаемости и отъездом южноуральцев в другие регионы и страны.

Таблица 1. Численность представителей азиатских этнических групп на Южном Урале в 1939–2010 гг.

Table 1. The number of representatives of Asian ethnic groups in the Southern Urals in 1939–2010

Этнические группы	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Узбеки	236	1807	1261	1536	3475	3057	6446
Таджики	30	-	396	697	870	5125	7375
Кыргызы	1226	231	198	394	931	604	1410
Корейцы	291	449	404	412	463	959	905
Китайцы	72	-	60	58	55	192	171
Казахи	28731	22813	27559	28224	33230	36219	35297

В постсоветский период заметно возросла численность среднеазиатских этнических групп: кыргызов (примерно в два раза), узбеков (в два раза), таджиков (в 8 раз), корейцев из Казахстана и Узбекистана (в два раза). Челябинская область являлась одним из заметных центров притяжения трудовых мигрантов из Таджикистана [Олимова, 2003: 28]. По оценкам представителей диаспоры и миграционной службы, таджики в основном приезжали из Хатлонской (в последние годы до 70%) и Согдийской областей [ПМА; ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 595. Л. 33, 64]. Большинство наших информантов подтвердили, что эти связи сложились еще в советское время и окрепли, когда по старым каналам в регион начали пребывать таджикские мигранты. Даже на фоне карантинных ограничений 2020 г. миграционный прирост из этой страны, по данным облстата, составил 995 чел. Многие узбеки, живущие на Южном Урале, являются выходцами из Оша (Кыргызстан). Они пережили уже как минимум две волны переселений, каждый раз вызванных обострением ситуации в отношениях между кыргызским большинством и населением узбекских анклавов в Кыргызстане. На протяжении последних двух десятилетий существенно возросла численность маятниковых и образовательных мигрантов. Кроме того, в 1990-е гг. возникали группы китайских мигрантов, неофициальная численность которых составляла до нескольких тысяч человек [Авдашкин, 2020].

Основным фактором притяжения становились знакомые, земляки или родственники, которые, устроившись на Южном Урале в позднесоветские или постсоветские годы, рекрутировали новых мигрантов. Постепенно траектории перемещений менялись, и до пандемии коронавируса мигранты, их родственники и знакомые активно осваивали транснациональное пространство, ездили на заработки не только в Москву, но и в Южную Корею, США, страны Европы и др. [ПМА]. По словам Абухада, одного из наших информантов, его младшие братья сначала ездили на заработки из Челябинска в Москву, а потом, обосновавшись в столице, нашли возможность для трудоустройства в Южной Корее.

Роль азиатских групп в местной экономике: обострение конкуренции

В период, предшествовавший пандемии COVID-19, в Челябинскую область на заработки приезжало около 20 тысяч россиян из других регионов, примерно столько же местных жителей выезжало за пределы региона. Численность иностранных трудовых мигрантов оценивается примерно в этих же значениях. Это обеспечивало положительный баланс временной рабочей силы. Более двух третей иностранных трудовых мигрантов приезжали из Таджикистана, десятая часть — из Узбекистана, столько же из Казахстана и Вьетнама. Уровень миграционных рисков оценивается экспертами как незначительный [Межэтнические отношения и миграционная ситуация..., 2020: 145].

Хотя численность иностранной рабочей силы не превышала 5% от занятого населения, конкуренция на региональном рынке труда складывалась непросто. По ряду причин трудовые мигранты концентрировались в определенных отраслях, что оборачивалось ростом напряженности. По мнению 48% опрошенных, приток мигрантов отрицательно сказывается на рынке труда и способствует росту безработицы. Более половины полагают, что в последние годы проявляются тенденции к «захвату мигрантами» определенных хозяйственных ниш.

Некоторые подтверждения этих опасений есть. В сфере строительства иностранные работники занимали до 20% рабочих мест. Заметны их позиции в сельском хозяйстве, общественном транспорте и розничной торговле. Если в конце XX — начале XXI в. основной рост ксенофобского нарратива вызвали «китайские» рынки и инфраструктура вокруг них, то в последние годы объектом тревожности принимающей стороны стали так называемые китайские теплицы, а также маршрутки [Авдашкин, 2020; 2021а; 2021б]. Рынки (во всяком случае до недавних пор) и теплицы являлись объектами, маркированными как «китайские». Общественный транспорт в последние годы прочно связан со среднеазиатскими мигрантами.

Данные опросов показывают неоднозначное восприятие эффектов, которые международная миграция оказывает на регион. Приток мигрантов благотворно сказывается на демографической ситуации, порождая ряд рисков для рынка труда и местной экономики, экологической ситуации (на селе) и системы образования. Несмотря на то, что количество преступлений, совершенных в регионе иностранными гражданами и лицами без гражданства, не превысит и 2–3% (в 2019 г. 845 из 66,5 тыс. чел.), распространена фобия о связи между миграцией и уровнем преступности.

Таблица 2. Влияние международной миграции на различные сферы жизни Челябинской области (результаты социологического опроса в 2020 г.), %
Table 2. The impact of international migration on various spheres of life in the Chelyabinsk region (results of a sociological survey in 2020),%

Показатели влияния	Экономика	Экология	Демография	Образование	Рынок труда	Преступность
Положительное влияние	42,50	4,50	46,00	46,00	15,50	5,50
Отрицательное влияние	35,00	26,50	28,00	28,00	43,50	64,50
Никакого влияния	22,50	69,00	24,50	24,50	41,00	30,00

Мигранты из стран Азии и межкультурные коммуникации

Важным проявлением прироста мигрантов из стран Азии стало возникновение общественных организаций соответствующих этнических сообществ. Одним из первых в 1993 г. возник Корейский культурный центр, основными целями которого являлось изучение языка, культуры, истории, проведение национальных праздников, организация занятий тхэквондо [ОГАЧО. Ф. П-374. Оп. 1. Д. 39. Л. 8; Ф. Р-1041. Оп 6. Д. 1812. Л. 73–74; Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2966. Л. 38]. Одно время в общеобразовательной школе даже действовал «корейский класс». Постепенно происходило становление таджикских, узбекских и казахских общественных организаций [Государство и национально-культурные объединения..., 2004: 12–13].

Одним из наиболее заметных объединений является таджикский национально-культурный центр «Сомониен». Данная организация принимает деятельное участие во многих мероприятиях, призванных укрепить межкультурный диалог и взаимодействие с органами власти и институтами гражданского общества. Таджикское сообщество вовлечено в транснациональные обмены информацией, символами и практиками. Подтверждением может служить визит главы Таджикистана Э. Рахмона в Челябинск

в 2007 г. Во многом этот визит состоялся по инициативе представителей таджикской диаспоры. Важна роль неформальных практик социальной поддержки и взаимопомощи (содействие в оформлении документов, поиске работы и др.). Однако эта деятельность ведется несистемно и основывается на личных инициативах активистов.

Это подтверждают данные социологических опросов, проведенных в Челябинске в 2017 г. Горожане крайне мало знали о деятельности национально-культурных объединений. Наиболее узнаваемыми в публичном пространстве являлись татаро-башкирские, мусульманские, еврейские, армянские и славянские национально-культурные объединения. Практически не встречалось упоминаний о казахских, таджикских, узбекских и корейских культурных центрах. Мало и тех, кто участвовал в деятельности национально-культурных общественных организаций (1,3%). Жители не знают о деятельности диаспорных объединений, поэтому скептически оценивали эффективность их работы. Более трети считали их деятельность неэффективной, еще практически столько же затруднились с ответом.

Мигрантские группы из стран Азии являются активными участниками повседневных межкультурных коммуникаций. Неоднозначны оценки состояния этноконфессиональных отношений. Свыше половины (52%) опрошенных указали, что проблема межнациональных отношений для Челябинска актуальна, а 48%, напротив, уверены, что такие проблемы не актуальны. Абсолютное большинство опрошенных горожан не сталкивались с проявлениями дискриминации на национальной почве за последние одно-двух лет. Среди 2% респондентов, которые систематически испытывали ту или иную форму дискриминации, отмечены представители разных национальностей, в том числе выходцы из Средней Азии. Как правило, это корейцы (100%) и таджики (50%).

По данным глубинных интервью корейцы видят причину этого в своей «схожести с китайцами». Несмотря на то, что корейцы — это наиболее малочисленная мигрантская группа из Азии, практически каждое интервью содержало сюжеты, связанные с оскорблениями. Вот, что рассказали сестры Екатерина и Виктория:

В школе меня очень смущало, что даже дети из таджикских семей (!) называли меня «китаезой». Про остальных и говорить нечего. Никто не понимает разницу между китайцами и корейцами. Родители мне сразу объясняли, что это будет всегда. Даже папа и мама на улице часто слышали в своей адрес оскорбления такие [ПМА].

Выходцы из Таджикистана, напротив, являются наиболее многочисленной и заметной для принимающей стороны группой мигрантов из Средней Азии (маятниковых и «укоренившихся»). По этой причине на них проецируются негативные стереотипы и представления [ПМА]. Накладываются и конфессиональное измерение, неуверенное владение русскими языком и др. Как отметил один из наших информантов Акмал,

Таджик — это даже на национальность. Это словно «социальный статус». В повседневной жизни я редко сталкивался с открытой враждебностью. Но она скрывается и проявляется во всем [ПМА].

По разным причинам мигранты из Таджикистана концентрируются в некоторых сферах деятельности, формируют небольшие, но заметные для принимающей стороны локации (или «анклавы»), маркируемые как «мигрантские» в городском пространстве. Серия опросов, прошедших в 2020 г. в Челябинске и муниципалитетах области, показала, что наиболее негативно южноуральцы воспринимают мигрантов из Таджи-

кистана (43% при почти половине затруднившихся). Далее примерно в схожих величинах измерялось негативное отношение к мигрантам из других стран Азии (Китай, Узбекистан, Кыргызстан).

Респонденты по результатам опроса 2017 г. считали межнациональные отношения в областном центре спокойными (49%). Тем не менее 35% склонялись к мнению, что ощущалась некоторая скрытая напряженность. Причем чаще такого мнения придерживались респонденты женского пола (39,5 против 29,4% мужчин соответственно). Порядка 9% полагали, что положение нестабильно и возможны конфликты. Заслуживает внимания и динамика этих представлений, она напрямую связана с падением реальных доходов южноуральцев. Так, каждый шестой опрошенный указал на ухудшение отношений межэтнических отношений в 2015–2017 гг. Наиболее характерно это мнение оказалось для граждан с низким уровнем жизни.

Заключение

Обзор динамики перемещений из Средней Азии показал, что основную группу этнических мигрантов на современном этапе составляют таджики. Скорее всего, эта тенденция сохранится в дальнейшем, а проблема встраивания мигрантов из Азии будет оказывать все более заметное влияние на социальную напряженность. Остальные сообщества относительно малочисленны или их пребывание носит временный характер (как, например, китайцы). Признавая невысокую долю иностранных граждан и мигрантов на местном рынке труда, мы наблюдаем рост конкуренции с принимающей стороной. Недовольство вызывает формирование мигрантских сфер деятельности и объектов их активности. Необходима верификация и детализация истоков ксенофобских настроений, их интенсивности и проявлений.

Проведенное исследование оставляет ряд исследовательских вопросов. Как показывают последние данные о международной миграции, каждый российский регион характеризуется своей этнической спецификой. Облик среднеазиатской миграции на Южный Урал определяют таджики. Необходимо понять, как складывается эта картина, почему те или иные регионы привлекают преимущественно тех или иных мигрантов. Если мы исходим из того, что мигранты преимущественно привязаны к рынкам, сетям поставок плодовоовощной продукции и вещей, нужно понять, как происходило формирование этих сетей в постсоветский период и как они трансформировались под воздействием постсоциалистического транзита.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20–49–740007.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.

Авдашкин А. А. «Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2020. № 2 (49). С. 147–156.

Авдашкин А. А. «Китайские» теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1. С. 179–187.

Авдашкин А. А. Мигранты — водители маршруток в восприятии жителей Челябинска // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 112–123.

Атнагулов И. Р. Казахи Челябинской области: краткая этнокультурная характеристика (к проблеме этнической самоидентификации в полиэтничном окружении) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1. С. 260–268.

В РФ на учебу в 2018 году приехали более 34 тысяч мигрантов из Таджикистана // Sputnik Тоҷикистон / Tajiki. URL: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20190227/1028390920/russia-tajikistan-ucheba-2018-god-priezd-migranty.html> (дата обращения: 25.02.2021).

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10120. Оп. 1. Д. 727.

Государство и национально-культурные объединения: социальное партнерство. Челябинск : Правительство Челябинской области, 2004. 96 с.

Ивахнюк И. В. Евразийская миграционная система // Вестник Московского университета. Серия: Экономика. 2007. № 3. С. 37–56.

Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. СПб. : Маматов, 2011. 367 с.

Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Омск : Изд. центр КАН, 2020. 182 с.

Мукомель В. И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М. : Диполь-Т, 2005. 351 с.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-374. Оп. 1. Д. 39.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 28. Д. 5.

ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 595

ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 16.

ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1812.

ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2966.

Олимова С. Трудовая миграция из Таджикистана. Душанбе, 2003. 145 с.

Полевые материалы автора. 2013–2020 гг.: Челябинск, Магнитогорск, Копейск.

Россия в формирующейся Большой Евразии. М. : Изд. дом Кодекс, 2019. 376 с.

Таджики в Оренбуржье (Очерки современных этносоциальных процессов). Оренбург : Университет, 2013. 104 с.

Таджики и узбеки в Республике Татарстан: биографии диаспор и повседневные практики. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 100 с.

Топилин А. В. Миграция населения и формирование трудовых ресурсов в СССР и на постсоветском пространстве: тенденции и регулирование. М. : Экон-Информ, 2020. 479 с.

Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М. : Изд-во МВА, 2014. 256 с.

Abashin S. Central Asian Migration // Russian Politics & Law. 2013. Vol. 51. Iss. 3. Pp. 6–20 (in English).

Abashin S. Migration from Central Asia to Russia in the New Model of World Order, *Russian Politics & Law*. 2014. Vol. 52. Iss. 6. Pp. 8–23 (in English).

Abel G. J., Raymer J., Guan Q. Driving factors of Asian international migration flows // *Asian Population Studies*. 2019. Vol. 15. Iss. 3. Pp. 243–265 (in English).

Brunarska Z., Nestorowicz J., Markowski S. Intrav. extra-regional migration in the post-Soviet space // *Eurasian Geography and Economics*. 2014. Vol. 55. Iss. 2, Pp. 133–155 (in English).

Charles-Edwards E., Bell M., Bernard A., Zhu Y. Internal migration in the countries of Asia: levels, ages and spatial impacts // *Asian Population Studies*. 2019. Vol. 15. Iss. 2. Pp. 150–171 (in English).

Emerson M. Toward a Greater Eurasia // *Global Journal of Emerging Market Economies*. 2014. Vol. 6. Iss. 1. Pp. 35–68 (in English).

Kireev A. A. China in Russia, Russia in China: ethnic aspect of migration between the two countries in the past and present // *Asian Ethnicity*. 2016. Vol. 17. Iss. 1. Pp. 67–89 (in English).

Laruelle M. Central Asian Labor Migrants in Russia: The “diasporization” of the Central Asian States? // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2007. Vol. 5. Iss. 3. Pp. 101–119 (in English).

Malakhov V. S. Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. Iss. 7. Pp. 1062–1079 (in English).

Malakhov V. Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France // *Nationalities Papers*. 2019. Vol. 47. Iss. 2. P. 310–324 (in English).

Nasritdinov E. “Only by Learning How to Live Together Differently Can We Live Together at All”: Readability and Legibility of Central Asian Migrants Presence in Urban Russia // *Central Asian Survey*. 2016. Vol. 35. Iss. 2. Pp. 257–275 (in English).

Ruget V., Usmanalieva B. Citizenship, migration and loyalty towards the state: a case study of the Kyrgyzstani migrants working in Russia and Kazakhstan // *Central Asian Survey*. 2008. Vol. 27. Iss. 2. Pp. 129–141 (in English).

Ruget V., Usmanalieva B. How much is citizenship worth? The case of Kyrgyzstani migrants in Kazakhstan and Russia, *Citizenship Studies*. 2010. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 445–459 (in English).

Sahadeo J. Druzhba Narodov or second-class citizenship? Soviet Asian migrants in a post-colonial world // *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26. Iss. 4. Pp. 559–579 (in English).

Sahadeo J. The accidental traders: marginalization and opportunity from the southern republics to late Soviet Moscow // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. Iss. 3–4. Pp. 521–540 (in English).

Siegelbaum, L. H., Moch L. P. Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. Iss. 4. Pp. 970–986 (in English).

REFERENCES

Abashin S. N. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2012. no. 4. S. 3–13 (in Russian).

Avdashkin A. A. «Kitaiskii» rynek v prostranstve rossiiskogo goroda (sluchai Cheliabinska) [“Chinese” market in the space of a Russian city (the case of Chelyabinsk)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. 2020. no 2. S. 147–156 (in Russian).

Avdashkin A. A. «Kitaiskie» teplitsy v sel'skom prostranstve rossiiskogo regiona (sluchai Cheliabinskoi oblasti) [“Chinese” greenhouses in the rural space of the Russian region (the case of the Chelyabinsk region)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. 2021a. no. 1. S. 179–187 (in Russian).

Avdashkin A. A. Migranty — voditeli marshrutok v vospriiatii zhitelei Cheliabinska [Migrants — minibus drivers as perceived by residents of Chelyabinsk]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2021b. no. 1. S. 112–123 (in Russian).

Atnagulov I. R. Kazakhi Cheliabinskoi oblasti: kratkaia etnokul'turnaia kharakteristika (k probleme etnicheskoi samoidentifikatsii v polietnichnom okruzenii) [Kazakhs of the Chelyabinsk region: a brief ethnocultural characteristic (on the problem of ethnic self-identification in a multiethnic environment)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture]. 2017. no. 1. S. 260–268 (in Russian).

V RF na uchebu v 2018 godu priekhali bolee 34 tysiach migrantov iz Tadzhikistana [More than 34 thousand migrants from Tajikistan arrived in the Russian Federation to study in 2018]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20190227/1028390920/russia-tajikistan-ucheba-2018-god-priezd-migranty.html> (accessed: 25.02.2021) (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. Fund P-10120. Inventory 1. File 727 (in Russian).

Gosudarstvo i natsional'no-kul'turnye ob'edineniia: sotsial'noe partnerstvo [State and national-cultural associations: social partnership] Cheliabinsk: Pravitel'stvo Cheliabinskoi oblasti publ. 2004. 96 s. (in Russian).

Ivakhniuk I. V. Evraziiskaia migratsionnaia sistema [Eurasian migration system]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya ekonomika* [Bulletin of Moscow University. Economics series]. 2007. no 3. S. 37–56 (in Russian).

Kamenskikh M. S. *Kitaisky na Srednem Urale v kontse XIX — nachale XXI v.* [The Chinese in the Middle Urals at the end of the XIX — beginning of the XXI century] Sankt–Peterburg: Mamatov publ. 2011. 367 s. (in Russian).

Mezhetnicheskie otnosheniia i migratsionnaia situatsiia v regionakh Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii [Interethnic relations and the migration situation in the regions of the Urals, Siberia and the Far East of Russia]. Omsk: KAN Publ., 2020. 182 s. (in Russian).

Mukomel' V. I. *Migratsionnaia politika Rossii: Postsovetskie konteksty* [Migration Policy of Russia: Post-Soviet Contexts]. Moscow: Dipol' — T, 2005. 351 s. (in Russian).

Olimova S. *Trudovaia migratsiia iz Tadzhikistana* [Labor migration from Tajikistan]. Dushanbe: Mezhdunarodnaia organizatsiia migratsii publ. 2003. 145 s. (in Russian).

Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fund P-374. Inventory 1. File 39 (in Russian).

Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fund P-485. Inventory 28. File 5 (in Russian).

Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fund P-700. Inventory 1. File 595 (in Russian).

Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fund P-705. Inventory 1. File 16 (in Russian).

Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fund P-1041. Inventory 6. File 1812 (in Russian).

Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fund P-1589. Inventory 1. File 2966 (in Russian).

Polevye materialy avtora. 2013–2020 gg.: Cheliabinsk, Magnitogorsk, Kopeysk [Field materials of the author. 2013–2020: Chelyabinsk, Magnitogorsk, Kopeysk]

Russia in the emerging Greater Eurasia [Rossiia v formiruiushcheisia Bol'shoi Evrazii]. Moscow: Kodeks publ., 2019. 376 s. (in Russian).

Tadzhiki v Orenburzh'e (Ocherki sovremennykh etnosotsial'nykh protsessov) [Tajiks in the Orenburg Region (Essays on Modern Ethnosocial Processes)]. Orenburg, OOO IPK Universitet publ. 2013. 104 s. (in Russian).

Tadzhiki i uzbeki v Respublike Tatarstan: biografii diaspor i povsednevnye praktiki [Tajiks and Uzbeks in the Republic of Tatarstan: Diaspora Biographies and Everyday Practices]. Kazan: Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT publ., 2016. 100 s. (in Russian).

Topilin A. V. Migratsiia naseleniia i formirovanie trudovykh resursov v SSSR i na postsovetском prostranstve: tendentsii i regulirovanie [Population migration and the formation of labor resources in the USSR and the post-Soviet space: trends and regulation]. Moscow: Ekon-Inform publ., 2020. 479 s. (in Russian).

Khan V. S., Sim Khon Eng. Koreitsy Tsentral'noi Azii: proshloe i nastoiashchee [Koreans of Central Asia: Past and Present]. Moscow: Izd-vo MVA publ., 2014. 256 s. (in Russian).

Abashin S. Central Asian Migration. *Russian Politics & Law*. 2013. Vol. 51. Iss. 3. Pp. 6–20 (in English).

Abashin S. Migration from Central Asia to Russia in the New Model of World Order. *Russian Politics & Law*. 2014. Vol. 52. Iss. 6. Pp. 8–23 (in English).

Abel G. J., Raymer J., Guan Q. Driving factors of Asian international migration flows. *Asian Population Studies*. 2019. Vol. 15. Iss. 3. Pp. 243–265 (in English).

Brunarska Z., Nestorowicz J., Markowski S. Intravs. extra-regional migration in the post-Soviet space. *Eurasian Geography and Economics*. 2014. Vol. 55. Iss. 2, Pp. 133–155 (in English).

Charles-Edwards E., Bell M., Bernard A., Zhu Y. Internal migration in the countries of Asia: levels, ages and spatial impacts. *Asian Population Studies*. 2019. Vol. 15. Iss. 2. Pp. 150–171 (in English).

Emerson M. Toward a Greater Eurasia. *Global Journal of Emerging Market Economies*. 2014. Vol. 6. Iss. 1. Pp. 35–68 (in English).

Kireev A. A. China in Russia, Russia in China: ethnic aspect of migration between the two countries in the past and present. *Asian Ethnicity*. 2016. Vol. 17. Iss. 1. Pp. 67–89 (in English).

Laruelle M. Central Asian Labor Migrants in Russia: The “diasporization” of the Central Asian States? *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2007. Vol. 5. Iss. 3. Pp. 101–119 (in English).

Malakhov V. S. Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate. *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. Iss. 7. Pp. 1062–1079 (in English).

Malakhov V. Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France. *Nationalities Papers*. 2019. Vol. 47. Iss. 2. Pp. 310–324 (in English).

Nasritdinov E. “Only by Learning How to Live Together Differently Can We Live Together at All”: Readability and Legibility of Central Asian Migrants Presence in Urban Russia. *Central Asian Survey*. 2016. Vol. 35. Iss. 2. Pp. 257–275 (in English).

Ruget V., Usmanalieva B. Citizenship, migration and loyalty towards the state: a case study of the Kyrgyzstani migrants working in Russia and Kazakhstan. *Central Asian Survey*. 2008. Vol. 27. Iss. 2. Pp. 129–141 (in English).

Ruget V., Usmanalieva B. How much is citizenship worth? The case of Kyrgyzstani migrants in Kazakhstan and Russia. *Citizenship Studies*. 2010. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 445–459.

Sahadeo J. Druzhba Narodov or second-class citizenship? Soviet Asian migrants in a post-colonial world. *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26. Iss. 4. Pp. 559–579 (in English).

Sahadeo J. The accidental traders: marginalization and opportunity from the southern republics to late Soviet Moscow. *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. Iss. 3–4. Pp. 521–540 (in English).

Siegelbaum, L. H., Moch L. P. Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union. *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. Iss. 4. Pp. 970–986 (in English).

Статья поступила в редакцию 09.03.2021

Принята к публикации 18.07.2021

Дата публикации 20.09.2021